

Вундеркинд к своему таланту получает ещё и дополнительную тяжёлую нагрузку. Вместо игры «в лошадки» со сверстниками он обречён на общение с музыкальным инструментом, проводя за ним многие часы, или на утомительные тренировки, напоминающие дрессировку цирковых зверей. Вольфганг Амадей Моцарт, ещё будучи ребёнком, гастролировал по всей Европе с интенсивностью, превышающей рабочий график любого взрослого музыканта. И это – общая тенденция для всех вундеркиндов.

Самым же обременительным грузом для ребёнка, возможно, является моральная ноша, из-за которой он не может не стремиться соответствовать тем чаяниям и надеждам, которые возложены на него самыми близкими людьми. Как правило, эти надежды и ожидания завышены, и ребёнок вынужден находиться в состоянии перманентного дискомфорта и хронического дистресса из-за зазора между мечтами родителей и действительностью.

Наверное, в музыке и шахматах вундеркинды встречаются чаще, чем в любой другой сфере человеческой деятельности. Действительно, здесь довольно быстро и наглядно проявляются потенциальные возможности ребёнка, позволяя строить его родственникам радужные перспективы на будущее.

Почти все большие мастера музыкального исполнительского и композиторского искусства – от Моцарта и Шопена до Малера и Гульда прошли через этап удивительно раннего пробуждения таланта. Однако на несколько десятков, может быть, сотен бесспорных и реализовавших себя гениев, начинавших свою дорогу в качестве вундеркиндов, приходится десятки тысяч людей, чьи фамилии так и не превратились в имена. Многообещающий старт в их случаях не увенчался блестящим финишем, а дистанция, по которой они пробежали свою жизнь, стала унылой дорогой, освещающей лишь зарницами воспоминаний о былых детских триумфах. Тысячи бывших вундеркиндов оказались ординарными учителями музыки или концертмейстерами провинциальных (пусть даже столичных) филармоний.

Человек, познавший творческий успех в раннем детстве, оказывается в хрестоматийной ситуации вундеркинда, который интересен окружающим до тех пор, пока мал. Вырастая, он теряет значительную часть популярности, ибо среди взрослых музыкантов его дарование перестаёт быть уникальным. Ошеломляющий перепад из славы и успеха в рутину обыденности становится для вчерашних вундеркиндов, так и не успевших психологически стать взрослыми, холодным душем, который иногда заставляет понять простое обстоятельство: если прежде можно было пользоваться природной одарённостью, а нежный возраст мог извинять техническое несовершенство, то теперь, оказавшись на одной доске с сотнями выдающихся мастеров, бывший вундеркинд теряет былые предпочтения, льготы и право на триумф. Теперь успех следует зарабатывать заново, что психологически очень трудно – после того, как уже увидел переполненные залы и услышал бурные овации. А кроме того, места на взрослом Олимпе слишком плотно заняты, и для того, чтобы заставить мэтров потесниться, следует совершить невозможное: превратиться из вундеркинда в гения.

Между тем музыкальные вундеркинды очень часто оказываются оранжерейными растениями, растущими в обстановке, способствующей инфантилизации их психики: как правило, они не знают иных забот, кроме музыкальных упражнений, и ли-

шены возможности адекватного общения со сверстниками. Им необходимо беречь руки, играть этюды и гаммы и пр. Ребёнок-вундеркинд, успевая заниматься ещё и школьными предметами, тратит неимоверное количество времени на свой инструмент; ему просто некогда общаться с ровесниками. Удивительно ли, что такие дети слишком часто оказываются неготовыми к обыкновенной жизни с её сложными психологическими конфигурациями и конфликтами? И вырастая, они остаются теми же

Джеральда Мура, которому довелось играть с огромным числом гениальных музыкантов и который написал впоследствии: «Хассид был величайшим инструментальным гением из всех, кому мне доводилось быть партнёром. Я не знаю, как объяснить его накал. У него были техническое совершенство, изумительная интонация, великолепный тон, но было ещё что-то выше этого, то, что было совершенно невероятным, метафизическим качеством. К сожалению, у него был несчаст-

преимущественно аналитический, левополушарный (так называемые «физики»), либо синтетический, правополушарный (так называемые «лирики»). О психологическом конфликте «физиков» и «лириков» интенсивно заговорили в 1960-е годы, после одноимённого стихотворения Бориса Слуцкого, однако эта проблема существовала всегда.

В «маленькой трагедии» А.С.Пушкина «Моцарт и Сальери» аналитик Сальери, «разъявший музыку, как труп», «поверивший алгеброй гар-

времён» разрывается для него, как и для Гамлета.

В том случае, когда музыкальные (или любые другие) способности ребёнка обнаруживаются рано, он нередко становится заложником амбиций родителей, начинающих «работать на результат», что приводит к потере непосредственной адекватной эмоциональности во взаимоотношениях. В семьях, воспитывающих детей рационально, доминирует сухость взаимоотношений с ребёнком. В таких семьях родители реже играют с детьми,

Имена и судьбы

Недоигранная партия

История двух маленьких жизней, унесённых в никуда

детьми, так и не понявшими, почему ими перестали восхищаться.

Юный скрипач Майкл Ривкин, несмотря на все сложности переходного периода из вундеркиндов в мастера, сумел стать выдающимся музыкантом, но эта громадная нагрузка, перестроившая его психику и жизнь, оказалась слишком тяжёлой, надломив их. Скрипач не был готов к реальной жизни, его психика осталась под детски наивной по отношению к элементарным житейским проблемам; и наркотики в какой-то момент показали музыканту способ решения (а точнее, ухода от...) всех передряг. Химические протезы удовольствия стали катализатором для реставрации прежних эмоций, рождённых наивными утопическими иллюзиями инфантильного музыканта. Личности такого рода, однажды начав принимать наркотики, уже не могут отказаться от них, продолжая жить в наркозависимости до самой смерти. М.Ривкин умер от передозировки наркотиков, не дожив и до 40. Его записи сохранились, но они, как и имя этого талантливого скрипача, знакомы в основном специалистам.

Иногда бывает иначе. Фейерверк раннего взлёта с шипением гаснет, долетев до тёмной воды безумия. В польских Суwalkах 28 декабря 1923 г. родился Юзеф (Джозеф) Хассид, скрипач, в чьём даровании никто не сомневался и на которого смотрели, как на потенциального гения. Ф.Крейслер сказал о нём: «Такие, как Хейфец, рождаются раз в сто лет, такие, как Хассид, – раз в двести лет», имея в виду его неповторимый звук и блестящую технику, удивительную экспрессию и силу воздействия на слушателя. После успехов в Польше и Бельгии юный скрипач с большим успехом дебютировал в столице Великобритании, исполнив концерт Чайковского с Лондонским филармоническим оркестром. В том же году Хассид несколько раз выступил в сопровождении известного пианиста

любви роман, который буквально свёл его с ума. Но, возможно, именно это беспокойство внутри него и заставило его играть так фантастически». Хассид заболел шизофренией в 16-летнем возрасте. Недолгий остаток его жизни прошёл в психиатрических больницах, вдали от концертных залов и звуков музыки. Рано дебютирующая шизофрения нечасто оставляет шансы на улучшение состояния или хотя бы его относительную стабилизацию. После 10 лет психиатрических клиник Хассид умер вскоре после операции лоботомии – попытки хирургического лечения шизофрении, которое, увы, не оправдало себя – ни в случае с Хассидом, ни – вообще, оказавшись, спустя некоторое время в числе запрещённых методов лечения.

Два этих маленьких, с точки зрения мировой музыкальной истории, эпизода – это две несчастные жизни, улетевшие в никуда и не ставшие заметными персоналиями даже в подробных музыкальных энциклопедиях. При всём внешнем различии этих судеб они имеют сходство не только в том, что оба музыканта были скрипачами. Сам механизм возникновения проблем психиатрического содержания и у Майкла Ривкина, и у Юзефа Хассида был идентичным.

Полушария головного мозга человека различны в функциональном отношении. Левое является аналитическим органом, оперирующим понятиями и событиями настоящего и предстоящего времени. Правое – орган синтеза, который ориентирован в прошлое и позволяет осмысливать события минувшие.

Теоретически нормальная психическая деятельность мозга возможна при относительном равновесии функций обоих полушарий, когда ни одно из них не доминирует над другим, как чаши старых аптекарских весов. Однако люди в реальной жизни, как правило, имеют интеллект либо

моную», – пример левополушарной акцентировки интеллекта (одно из значений слова analysis – разбор, то есть разятие). Но, как писал А. де Сент-Экзюпери: «...разложить – значит утратить содержимое, забыть о главном. Перевернешь в книге буквы – уничтожишь поэту». И Сальери был всего лишь талантливым версификатором, но совсем не гениальным композитором. Итальянскому маэстро противопоставлен Моцарт, синтетик с выраженным правополушарным мышлением, сочиняющий музыку без аналитических выкладок, нерациональный, легкомысленный, могущий «остановиться и слушать скрипача слепого» или «играть на полу с мальчишкой». И Моцарт – гений.

Гением рождается и каждый ребёнок. Мозг новорождённого, условно говоря, имеет два правых полушария. Функциональная специализация с разделением полушарий на аналитическое и синтетическое у мальчиков завершается к 6-7 годам, у девочек – к 13-14. Но занятия музыкой, как правило, оказываются значительно более ранним делом детей, попадающих к педагогам в 4-5 лет, а то и в 3 года. И с этого момента рационалистический «левосторонний» акцент в их воспитании может формировать невротическую симптоматику, так как возникает конфликт правополушарной сущности ребёнка и методов домашней педагогики, ориентированной социально, то есть левополушарно. Этот конфликт усиливают всевозможные «распорядки дня», «планы на каниклы» и т.п., где на спонтанные, экспромтные детские развлечения отводится строго определённый час, и ребёнку предлагается шалить и баловаться по расписанию (как работает пылесос, ориентируясь на кнопки «вкл» и «выкл»), – в оставшееся от всевозможных занятий время.

Парадоксальным образом даже гармония музыки в семье, в которой растёт вундеркинд, в значительной мере растворяется, превращаясь в унылую точность гамм и стенографические упражнения на беглость пальцев в этюдах К.Черни. Отныне вундеркинд должен успевать гораздо больше, чем любой из его сверстников, из-за чего музыка оказывается привязанной к сухому и строго регламентированному расписанию, становясь не удовольствием, а обязанностью. (Между тем психолог А.Маслоу сформулировал: всё то, что делается по обязанности, становится стресс-фактором). Контроль, запреты, хронометрирование в жизни детей усиливают нагрузку на левое полушарие, которое ещё даже не сформировано в функциональном отношении полностью. У вундеркинда нет времени для того, чтобы осмыслить прошлое, прошедшее, установить взаимосвязь между вчерашним и сегодняшним днями; эта «связь

что обусловлено ещё и хроническим цейтнотом: «на разные нежности нет времени». В подобных ситуациях и сами родители, как правило, невротизированы, им тоже не хватает эмоциональной раскрепощённости. Игра и эмоциональное общение с детьми – лечебный фактор для обеих сторон. И всё это тоже перегружает левое полушарие, ничего не давая полушарию правому, нуждающемуся в эмоциональной нагрузке в удвоенной мере.

Первыми проявлениями дефицита эмоций может быть формирующаяся исподволь невротическая симптоматика, которая в случае с вундеркиндом-музыкантом особенно показательна; ведь первыми проявлениями невроза станут медлительность, неловкость движений, скованность и т.п., что мгновенно скажется на результатах занятий, создавая иллюзию того, что ребёнок стал хуже заниматься и успевать. Результатом будет увеличение нагрузок, уплотнение домашнего расписания, разумеется, возможны и упреки. Родители и педагоги нередко воспринимают субневротический феномен, как непослушание, «отсутствие сознательности», и усиливают свои требования, увеличивая тем самым нагрузку всё на то же левое полушарие. И тогда ребёнок просто перестаёт усваивать требования, становясь ещё более медлительным, «делая вид, что не слышит». У него появляются усталость, ночные кошмары, тревожные сновидения, которые забываются к утру. (Правое полушарие играет защитную роль, не допуская содержания снов в дневную жизнь, но это ведёт к усилению неопределённой, «свободно плавающей» тревоги днём.) И следующим клиническим этапом может стать переход навязчивых страхов в навязчивые сомнения, лежащие в основе развития тревожно-мнительной личности.

Такой механизм патологического формирования психики вундеркинда не является непременно обстоятельством, но этот путь весьма вероятен, более того, он является слишком частым. И невроз – не единственный из потенциально возможных диагнозов на этом пути, что демонстрирует история Хассида.

Последняя встреча пушкинских Моцарта и Сальери привела к смерти Амадеуса. Аналитик убил гения. Не то же ли самое происходит порой с детьми-вундеркиндами, принуждаемыми, контролируемые на каждом шагу, но в результате так и не становящимися счастливыми?

Игорь ЯКУШЕВ,
доцент Института
ментальной медицины.

Северный государственный
медицинский университет.

НА СНИМКЕ: играет Юзеф Хассид.